

ПОЕЗДКА КЪ ЛОПАРЯМЪ.

Письма и предварительные отчеты Комитету.

А. И. Кельсіева.

МОСКВА.

Типографія М. Н. Лаврова и Ко, Леонтьевский переулокъ, домъ № 14.

1878.

ПОВѢДКА КЪ ЛОПАРЯМЪ.

І. ДНЕВНИКЪ ВЪ ПИСЬМАХЪ КЪ А. П. БОГДАНОВУ.

22 Іюля, 1877 г. Пароходъ на Ледовитомъ океанѣ.

Разставшись съ Н. К. Зенгеромъ, три недѣлиѣ Ѵздили въ лодкѣ по Бѣлому морю и Ледовитому океану; сю минуту только добрался до парохода и грамотныхъ людей. Быль въ полномъ разобщеніи съ міромъ. До сихъ поръ результаты моихъ усилий односторонни, быть можетъ пополняются въ послѣдствіи. Именно пока собралъ весьма ничтожный краніологический зацасъ—только 8 череповъ; имѣю надежды на другія мѣстности. Это познаніка моего положенія.

День, проведенный въ Зимней Золотицѣ, по отъѣздѣ Н. К. Зенгера, далъ мнѣ весьма большой зацасъ каменныхъ орудій и одну каменную штуку оригиналной формы, вершка два въ иоперечникѣ. Большая 3-хъ вершковая стрѣла куилена. Пріобрѣтены разныя бусы и мелочи, находимыя со стрѣлками, между прочимъ длинная нитка крупнаго зеленаго бисера (соворульки) несомнѣнно того, о которомъ упоминаетъ Ибнъ-Фоцланъ, цитованный Самоквасовымъ Мѣсто заслуживаетъ второй экспедиціи. Старки помнятъ мѣста, гдѣ вымывало христіанскихъ покойниковъ. Я пріобрѣлъ малый каменный крестикъ. Каменный орудія будетъ вымывать и въ слѣдующіе года.

На лодкѣ я перѣѣхалъ на Лапландскій берегъ къ острову Сосновцу. Трудно находить лопарей. Они живутъ въ одиночку по берегамъ и ловятъ рыбу. Восточные такъ похожи наружностью и бытомъ на русскихъ, что приходится раза по два разспрашивать: кто лопарь, а кто нѣтъ. Отъ Сосновца къ ѿверу берегомъ Ѵхалъ въ лодкѣ съ лопарями и по лопарямъ, и только послѣдніе 150 верстъ передъ Колой дѣлаю на пароходѣ. Кромѣ каменныхъ кучъ и двухъ несомнѣнныхъ чудесныхъ имъ, круглыхъ и воронкообразныхъ (4 саж. діам.), у Поноя доисторическихъ древностей берегъ не представляетъ. Послѣ всѣхъ изысканій могу съ убѣжденіемъ сказать, что ихъ нѣтъ здѣсь. Мѣряю людей, рѣжу волосы составилъ словарь 200 элементарныхъ словъ; собралъ богатый и драгоценный по рѣдкости и красотѣ этнографической матеріалъ, еще совершенно неизвѣстный въ столицахъ. Снимаю маски, дѣлаю карандашомъ портреты и рисунки. Переѣзы были продолжительны и опасны. Пытался сухимъ хлѣбомъ и сушоной рыбой. Спасался отъ бурь на необитаемыхъ островахъ. Кладбищъ въ каждомъ погостѣ по одному, могиль десятка 2, все отцы и дѣды живущаго населенія. Старый матеріалъ, не взирая на мелкость погребенія, долго не разлагается; приходилось собственными руками взламывать гроба и очищать черепа отъ одежды и волосъ. Дохристіанскихъ или доисторическихъ погребеній нѣтъ и слѣдовъ, по слухамъ много ихъ дальше.

Изъ Колы я сѣлаю экскурсію на югъ, къ Кан-

далакской губѣ и обратно иѣскомъ. Теперь получилъ облегченіе отъ комаровъ, страшнаго бича здѣшнихъ мѣсть, дѣлающаго даже для туземцевъ совершенно недоступную внутренность полуострова. Изъ Колы поѣду изучить существующія доисторическія древности Варангель-Фіорда.

Кола, 24 іюля. Пріѣхалъ въ Колу вчера и видѣлся со священникомъ Терентьевымъ, лучшимъ ученымъ знатокомъ Лапландіи. Эти мѣста каждый годъ посещаются русскими и иностранными учеными разныхъ специальностей Нового мало могу доискаться. Лопаря все живутъ въ одиночку, верстъ черезъ 5-10 по 1 семье. Извольте дѣлать заключенія о типѣ и выбирать характерные физіономіи. И могилы, говорятъ, также разбросаны въ тундрахъ по 1, по 2 штуки. Я сѣлаю отъ Колы еще двѣ экскурсіи, одну за 60 верстъ на западъ въ Нотъ-Озеро антропологическую, другую къ востоку за 12 верстъ на одинъ зимній погостъ, нынѣ совершенно пустой, тамъ есть кладбище. Готовъ держать пари, что здѣшніхъ лопарей Вы не отличили бы отъ русскихъ бѣдныхъ мужиковъ, ни даже съ помощью самыхъ точныхъ инструментовъ. Изъ Варангель-Фіорда направлюсь домой по фільманамъ и по финскимъ лопарямъ, черезъ оз. Энаре, оттуда на Торнео въ Ботническій заливъ и въ Петербургъ.

Теперь я имѣю только 200 р. Израсходовано на пріобрѣтеніе коллекцій 170 р., вещи уже отправлены. Цѣны самыя странныя. Большая оленья шуба-одѣяло стоитъ 4 р. Старинный рѣдкостный талисманъ 25 к. Нѣкоторыя прелестныя костяныя бездѣлушкы дарятъ. За то простая берестяная коробка стоитъ 1 р. 50 к.; берестяная салфеточка 3 р. и т. п. Пріобрѣль множество рукодѣлій, чрезвычайно изящныхъ и оригиналнаго стиля, всю обстановку для группы. Дорога тоже дорога. Передъ Архангельскомъ верста стоила $\frac{1}{2}$ коп. при роскошной обстановкѣ. Здѣсь въ ладѣ, провонявшей отъ соленої трески и ворвані, подъ дождемъ, покачиваясь и день, и ночь въ неудобной позѣ на собственныхъ пожиткахъ, при $4^{\circ}-7^{\circ}$ тепла, платить по 5 к. за версту казеяныхъ прогоновъ, кромѣ водки и мелкихъ расходовъ. Переѣздъ до Колы съ платой за маски, измѣренія и работу стоилъ мнѣ 90 р. Полагая на тѣ же статьи самымъ экономнымъ образомъ 100 р. и на пріобрѣтеніе этнографического матеріала отъ западн. лопарей тоже 100 р.—мои ресурсы въ Торнео должны совершенно истощиться. Потому убѣдительно Васъ прошу порадовать меня письмомъ, адресуя его на мое имя въ Торнео (Улеаборгской губ.) до востребованія. О прибытии туда я уведомлю Васъ по телеграфу, ежели таковой тамъ имѣется. Деньги (хотя 200 р.) буду просить Васъ перевести въ г. Улеаборгъ въ казначейство, а

еще лучше въ Торнео, ежели по справкамъ въ Москвѣ это окажется возможнымъ. Туда, вѣроятно, я прибуду съ долгами. Отправляясь на недѣлю, я не запасъ хлѣба на годъ, а въ дорогѣ можетъ быть такъ много случайностей. Мой спутникъ мнѣ много помогаетъ своимъ безстрашiemъ и расторопнностью. Стараясь соблюсти экономію, я пускаю въ обиѣни и вещи собственного туалета и сервиса. Берутъ помаду и паниросную бумагу, взятая для масокъ, чай, сахаръ, серебряные ложки, тарелочки, носовые шелковые платки и т. д. Являлись даже охотники для приобрѣтенія циркулей, метровъ, ножницъ. Веду обстоятельный дневникъ и приготовлю къ осени нѣсколько рефератовъ по специальнымъ вопросамъ. Въ Варангеръ-Фіордѣ постараюсь допекаться древнихъ лопарскихъ гробницъ, описанныхъ ванъ-Горкомъ. Имѣю и другие замыслы, но не хочу впередъ много обѣщать. Въ Москвѣ надѣюсь быть во второй половинѣ сентября.

Г. Улсабори. 20 сенября.

Вся моя поѣзда есть рядъ непрерывныхъ трудностей и огорчений. Настоящее письмо есть скучная іереміада моихъ страданій. Пишу не затѣмъ, чтобы порадовать Васъ, радостей мало, но чтобы отчасти оправдаться передъ Вами и Комитетомъ за свою невольную и чрезвычайно тяжелую для меня пропорочку. И такъ много сердился, что теперь неможко одревесѣлъ и могу писать; впрочемъ прежде и писать было не откуда. Я изложу свои авантюры въ хронологическомъ порядке.

Стараясь по возможности добросовѣтно исполнить принятое порученіе — составить монографію о русскихъ лопаряхъ, я достигъ цѣли и посетилъ всѣ погости и пересмотрѣлъ все племя. Изъ Колы, послѣ мало успѣшныхъ экспедицій внутрь страны, я продолжалъ двигаться по единственному существующему въ странѣ пути, вдоль берега Ледовитаго моря. Быстрота такого передвиженія не во власти людей. Вы въ полной зависимости отъ перемѣнъ и капризовъ погоды. Вѣтеръ дуетъ противный —ѣхать нельзя, попутный, но слишкомъ сильный — тоже; вѣтра поэти нѣть, но океанъ продолжаетъ страшно волноваться и вѣсъ опять же везутъ. Благопріятная погода прекращается, и вы никогда вынуждены возвращаться верстъ 10 назадъ, потому что ближе нѣть становищъ, т. е. мѣста, где можно выйти на землю. Вода, вздымаясь громадными водометами бѣлой пѣни, ударяетъ почти вездѣ въ отвесныя скалы гранита или базальта. Лѣтніе лопарскіе погости по всему сѣверному берегу кольского полуострова отстоятъ одинъ отъ другаго на 60—100 верстъ. Кроме служебныхъ обязанностей, меня заставляло торопиться наступленіе сроковъ, въ которые лопари перекочевываютъ внутрь тундръ и лѣсовъ на озера, где всю осень до Рождества ловятъ рыбу въ разсыпную. Въ эти мѣсяцы въ Лапландії нѣть никакихъ сообщеній. Съ Рождества устанавливается зимний трактъ, сухой.

Я не каждый день умывался, ночи спалъ не раздѣваясь, рѣдко на землѣ, чаще въ лодкѣ; земляки дымны, воюючи и кишатъ паразитами. Три мѣсяца со дня разлуки съ Н. К. Зенгеромъ я обѣдалъ, т. е. бѣль сушъ и жаркое, не болѣе двухъ-трехъ разъ. Народъ питается одной треской, свѣжей или соленої, вареной въ мѣдномъ нелуженомъ котлѣ. Мука, за которую въ Москвѣ куница посадили бы въ тюрьму, идетъ сюда и раскунается въ тридорога. Съ примѣсью вшей, пота, грязи рукъ и толченой сосновой коры, изъ нея некутъ лепешки, пригорѣвшія снаружи

и внутри сырья: это называется хлѣбъ. На вкусъ вѣроятно тоже, еслибы смѣшать конской навозъ и глину. Питался также сушеної рыбой, ягодами, вяленымъ оленымъ мясомъ (въ родѣ подопивъ, намазанной сѣрымъ мыломъ). Я часто скомъ и мечтами о Москвѣ старался заглушить аппетитъ. Изъ недѣли среднимъ числомъ 5 дней шли на бесполезное лежанье въ лодкѣ и два дня на антропологическія занятія; отъ этого постоянное раздраженіе и досада на свое безсплѣе, на физическую невозможность работать такъ, какъ хочется.

При всей моей безпредѣльной привязанности и уваженія къ Вамъ, я имѣль причины не разъ посыпать упреки и въ Вашъ кабинетъ. Вы разослали наше на нашъ собственный страхъ, безо всякой сколько-нибудь впбудь практической подготовки. Впрочемъ это кажется первый опытъ специально антропологическихъ экспедицій и практики образуются въ работѣ, какъ плавать выучивась въ водѣ. Но этотъ первый шагъ въ дѣлѣ пришелся мнѣ очень солонъ и не знаю придетъ ли время, когда я согласился бы, вооруженный опытомъ, продолжать идти тою же дорогою еще дальше. Но перейду къ дѣлу. Таблица Брока требуетъ основательной переработки. Она составлена для удобства вычисляющихъ, а не мѣрюющихъ. Нашъ трудъ такъ щекотливъ и соприкнешь со столькими физическими и моральными неудобствами, что имѣть право на всевозможный комфортъ. Измѣренія скорѣе производить въ ипомъ порядкѣ, нежели обозначено въ таблицѣ. Строки, относящіяся къ лиценному треугольнику, должны быть выкинуты. При какихъ обстоятельствахъ, температурѣ и одѣяніи должно считать число біеній пульса и дыханій (я знаю, что сказано у Брока, но это на относится къ даннымъ намъ таблицамъ)? Но какимъ именно покрытымъ и открытымъ мѣстамъ кожи слѣдуетъ опредѣлять ея цвѣтъ? Наиремѣръ: конецъ носа и шеи имѣютъ совершенно различные оттенки. Схема колеровъ Брока рѣшительно не годится. Тоны совпадаютъ съ натурою только въ самыхъ рѣдкихъ случаѣахъ. Въ большинствѣ случаевъ я былъ въ полномъ недоумѣніи, какъ поступать. Радужина имѣть обыкновенно совершенно различные концентрическіе цвѣта. Образчики колеровъ должны быть сдѣланы масляными, а не прозрачными акварельными красками. Еще вопросъ, который краски будутъ прочны? Какъ мѣрять дуги на головѣ лентою при густыхъ волосахъ или длинныхъ и курчавыхъ? Я до сихъ поръ не знаю, где искать на головѣ наибольшаго теманного диаметра, быть можетъ, у лопарей его нѣть. Гдѣ помѣщается подносовая точка, на кожѣ или на кости? Расстояніе между этими двумя мѣстами весьма велико. Знать длину глаза и диаметръ зрачка весьма важно и нетрудно: почему этого нѣть въ таблицѣ? Почему въ таблицѣ нѣть вопросовъ о косвенности глазъ, узкости ихъ, о толщинѣ или о кривизнѣ погъ, о прически, о рѣсицахъ, о цвѣтѣ глазного яблока, румяности, о сѣдинѣ, о цвѣтѣ губъ, о волосной линіи надо лбомъ, обѣ усахъ, о бакенбардахъ, обѣ ухѣ, о бровяхъ, о чистоплотности, о томъ, который палецъ длиннѣе на руکѣ, безъимянный или указательный, который палецъ длиннѣе на ногѣ? наконецъ нѣть высоты колѣнного сочлененія. Такъ удобны тутъ же вопросы о возрастѣ смерти родителей, о возрастѣ вступленія въ бракъ, числѣ дѣтей. Для чего задавать эти вопросы не во время наблюденія, а если слѣдуетъ, то ихъ должно напечатать рядомъ съ прочими. Что та-

кое значать вопросы о губахъ, о зубахъ: большие или средние? значить ли это широкие или длинные? Иль вопросы о густотѣ или рѣдкости волосъ, о длине или короткости бороды, о правильности или аномалияхъ зубовъ, ни слова о формѣ клыковъ.

Вы не научили насъ снимать ухо. Способъ И. И. Севрюгина совершенно невозможенъ. Половина гипса, налитая на переднюю сторону уха, никакъ не можетъ быть снята. Вы не научили насъ какъ дѣлать слѣпки зубовъ, въ томъ случаѣ, когда зубы, въ родѣ лошадиныхъ, выдаются и расходятся концами (зантикообразны). Имѣть подобные крайне интересные случаи, портиль формы и мыль воскъ въ безспиліи. Въ такія минуты я горько упрекалъ Васъ, больше было не кого. Tu disa, tu maestro, tu signore! Такъ упрекалъ Данте Виргилия.

Какое значеніе имѣютъ раздиги пальцевъ, большой и малый, при измѣреніяхъ чернорабочаго класса, имѣющаго пальцы преимущественно скрюченные, не расправляющіеся.

Не приступивъ еще къ обработкѣ собранного материала и цифръ, я не могу припомнить всего, въ чемъ я встрѣчалъ затрудненія вслѣдствіе неудовлетворительности инструкцій, но и сказанное уже имѣть достаточный вѣсъ и будетъ сочувственно принято Вами. До всего указанного приходилось доходить собственою головой, не имѣя вблизи тѣни совѣтника, и иль большинство случаевъ спохватываться слишкомъ поздно, когда уже не мало субъектовъ безвозвратно прошло черезъ руки.

Второй грубый недостатокъ моей, да вѣроятно и прочихъ экспедицій, ежели они работали это лѣто, (я продолжаю находиться въ полной неизвѣстности ка-
сательно судьбы своихъ сочленовъ), второй недостатокъ чувствовался въ непрактичности инструментовъ. Движеніе наугольниковъ по метру лишило всякой эластичности и самое расположение ихъ иренеудобно. Вещи дѣлались совершенно несмыслищими руками и безъ наблюденія практика. Съ этими инструментами и не поѣду въ другую экспедицію. При свиданіи или, если позволите, въ засѣданіи Антропологического Отдѣленія я могу развить свои идеи подробнѣе. Снарядами ящика мѣряется хорошо только голова и оконечности. Поперечные діаметры туловища все запи-
саны мною на удачу. Для нихъ нужно изготовить большой толстотный циркуль. Мѣра лентою обхвата туловища у пояса находится въ прямомъ соотноше-
ніе съ обжорливостью субъекта и съ числомъ часовъ, птеклихъ послѣ Ѣды. Наконецъ надо подумать о средствахъ для уничтоженія зловонія, идущаго отъ некоторыхъ частей тѣла нечистоплотныхъ особей, и особенно отъ иныхъ женскихъ волосъ, отъ рожденія немытыхъ и всегда закрытыхъ новойниками. Я не сообщаю здѣсь положительныхъ данныхъ, вырабо-
танныхъ мною трудами. Они должны быть высказаны съ большой обдуманностью. Немногіе дни, оставшіеся мною отъ перѣездовъ, я усердно употреблялъ на измѣ-
ренія и на собраніе данныхъ въ духѣ идей Леббока, высказанныхъ имъ въ его обоихъ большихъ трудахъ. Раскопки не дали материаловъ; покрайней мѣрѣ имѣли отрицательную пользу, доказавъ мнѣчиость многихъ сѣверныхъ сказаний.

22 августа я прибылъ наконецъ къ посѣднemu русскому ловарскому погосту у ц. Бориса и Глѣба, едва успѣвъ захватить тамъ остатки лопарей. Норв. проф. Фрійтѣ, посыпавшій этотъ погостъ съ Королемъ, не-
печаталъ потомъ, что видѣлъ тутъ безволосыхъ фин-

новъ-скольтовъ, живущихъ въ свайныхъ постройкахъ. И это свидѣтельство, подобно многимъ прочимъ, приведеннымъ менѣ компетентными путешественниками, оказалось несправедливымъ. Отъ нечистоплотности у одного изъ 15 человѣкъ встречаются паршивыя головы съ рѣдкими волосами, и только. Подобные субъекты рано лысѣютъ. У чистоплотныхъ норвежскихъ лапландцевъ я не видѣлъ подобной болѣзни. Никто не живеть въ свайныхъ постройкахъ. Амбаръ все лопари ставятъ около своихъ избъ на четырехъ (иногда на одномъ) столбикахъ, лѣтомъ отъ мышей, зимой отъ звѣрей и высокаго сиѣгу. (Сдѣланы модели). Тоже встречается и по Россіи. Но на сваяхъ никто не живеть. Финны-скольты есть название, подъ которымъ наши лопари известны въ Норвегіи*).

У Бориса и Глѣба я сдѣлалъ болѣнь и вытерпѣлъ на лицѣ 7 чирьевъ. Пробылъ 4 сутокъ, обласканный прищомъ, въ прекрасномъ казенномъ домѣ, выстроенному для прѣѣзжающихъ. Священникъ вилъ проникся моими цѣлями и сообщилъ мнѣ много любопытныхъ подробностей.

26 августа отѣѣзжъ на проходѣ въ Вадзе, откуда я намѣревался пуститься въ обратный путь черезъ Финляндію. 27-го цѣлый день работалъ съ фотографомъ негативы лапландцевъ.

28-го. Предполагалъ пуститься къ Утсіоки. Уже была готова лодка, какъ мнѣ объяснили, что по цѣнамъ прогоновъ въ Норвегіи одна доставка моей персоны съ лакеемъ и багажемъ на озеро Энаре (140 в.) будетъ стоить около 100 р., т. е. суммы, за которую изъ Архангельска можно уѣхать въ 1-мъ классѣ на Дунай. Я долженъ былъ измѣнить маршрутъ и бросился для продолженія занятій къ фотографу, но тотъ по случаю воскресенія былъ пьянъ. Все утро понедѣльника я тщетно выжидалъ его прорезвленія, но, чтобы не проживаться въ дорогой гостиницѣ и не терять времени, сдѣлалъ распоряженіе объ изгото-
влѣніи негативовъ въ показанномъ видѣ въ мое от-
сутствіе, и вернулся къ Борису и Глѣбу, платя нор-
вежцамъ за версту по 30 коп. Оттуда 30 авг. съ 4 лопарями двинулся вверхъ по пограничной Шазъ-рѣкѣ.

Въ Норвегіи мнѣ было объяснено, что до хребта Раута, на югѣ озера Энаре, путь лежитъ водою по рѣкамъ, затѣмъ одни сутки перехода черезъ водораздѣль, и съ южнаго склона путь опять водою до самого Торнео. Съ Варангерфіорда, гдѣ я находился, мнѣ предстояло для возврата только два пути: или черезъ Финляндію, или моремъ кругомъ Скандинавіи. Къ Архангельску, за наступившей осенью, можно было добраться только на какомъ-либо частномъ купеческомъ кораблѣ, такъ какъ Мурманскій берегъ былъ уже пустъ. Мнѣ казалось, что путь черезъ Финляндію, кромѣ научнаго интереса, имѣлъ еще преимущества по краткости. На 350 в. прямого путя отъ Варангерфіорда къ Торнео, я клалъ, считая умѣренную цифру 50 в. въ сутки, 1 недѣлю, и плату, считая даже двойные прогоны, 10 коп. за версту, 35 р. Отъ Торнео до Або двое сутокъ пароходомъ и отъ Або до Москвы двое сутокъ желѣзною дорогой, следовательно я могъ разсчитывать, что отнюдь не позднѣе 15 сентября, т. е. черезъ 2 недѣли пріятнаго пути, буду сидѣть въ вашемъ кабинетѣ. Но сегодня наступила уже четвертая недѣля, а я сижу въ гостиницѣ Улеаборга и смотрю на это пла своюувѣ-

* Шведы называютъ ихъ lapp.

рениость, что письмо дойдетъ до васъ, какъ на велчайшую милость неба. Экспедиція грозила окончиться для меня совсѣмъ не такъ дешево. 115 верстъ по рѣкѣ Пазъ я поднимался не 2, а 6 дней, потому что рѣка почти на всемъ протяженіи изобилуетъ порогами и водопадами и течетъ на большихъ пространствахъ будто по лѣстницѣ. Лодарп цѣлыми версты шли по колѣно въ замерзающей водѣ, иногда обрывались съ камней и погружались по поясъ, таща сзади лодки съ багажемъ на шестахъ и веревкахъ. Шесть разъ лодки вынывали изъ воды и тянули ихъ цѣлыми верстами берегомъ по землѣ. Въ день мы дѣлали не 50, а 20 верстъ съ ранняго утра до поздней ночи. Почти третью пути приходилось прыгать берегомъ съ камня на камень или держаться слѣдовъ оленыхъ и медвѣжьихъ. Ночь проводили въ лѣсу, при свѣтѣ костровъ, подъ открытымъ небомъ. Финскіе лапландцы перевезли меня на южный берегъ озера Энаре. Отсюда до самаго Торнео народъ говорить по фински и немного по-норвежски, на языкахъ мнѣ совершенно познавѣстныхъ, и не бралъ русскихъ денегъ, а мнѣ надо было двигаться впередъ. Въ 30 верстахъ къ югу Энаре, 5 сентября я очутился въ деревнѣ - мызѣ, неизвѣстного мнѣ имени, среди людей воинущей непредупредительности и самомнѣнія. Мнѣ давали понять, что я попалъ не на трактъ, и отказывались провожать далѣе. 6 сентября для меня былъ день полный ужаса. Народъ не хотѣлъ слушать того, что мы ему толковали. Погода портилась, рѣки замерзали. Я не зналъ, кому изъ начальства, какъ и на какомъ языке растолковать, кто я и что мнѣ нужно, и кому и черезъ какое мѣсто адресовать письмо. Для полученія пищи приходилось прибѣгать къ іероглифамъ, я рисовалъ и вырезывалъ изъ дерева то, что мнѣ было нужно. Наконецъ поняли, согласились вывести на станцію, черезъ которуюѣ здѣль господа, по до станціи идти пѣшкомъ 80 верстъ по безлюдному пространству. Я съ радостью согласился. Затруднились багажемъ, проходили и пробовали тяжесть вещей. Все второстепенное и тяжелое я укупорилъ въ 2 тюка, написалъ свое имя, адресъ, обвязалъ и запечаталъ, нарисовалъ двуглавые орлы. Сидѣніе въ сухой теплой комнатѣ стало для меня несчастью; я съ восторгомъ поплелся подъ дождемъ по грязи. Мы направились къ оз. Сомбю, къ селенію Мутенію. Оставлены метръ, лопаты, бѣлье почти все, подушки, комнѣ, снадобья, книги, мелочи. Немногое необходимое понесли на плечахъ два финна. Тропинка не вѣздѣ; мы шли густыми лѣсами. Разуваясь на морозѣ, я переходилъ въ бродъ рѣки, шелъ босикомъ моховыми трясинами по грязи и торфу; шли по водораздѣлу, лишенному растительности, прыгали съ обломка на обломокъ острыхъ скалъ; терпѣли сѣжнія выюги, мокли подъ дождями; усталые засыпали въ лѣсу, рискуя проснуться носъ къ носу съ медвѣдемъ. На третій день утомительного пути черезъ скалы и болота, мы дошли долюдей и до рѣки. Утро послѣднаго дня 9 сентября мы пытались уже одной черникой. Мыѣ хали затѣмъ внизъ по рѣкѣ 60 верстъ. Отъ слѣдующей станціи, 10 сентября, мы проѣхали 20 верстъ и остановились. Идти опять, такъ какъ по рѣкѣ слѣдуютъ водопады! Сколько идти? (представьте, что это совершенно неожиданно)—30 верстъ; это 4-й день пути. Лѣсъ густой, зігроможденъ павшими и гнющими соснами, скалами и пересѣченный топкими болотами; тропинки никакой,

путь по компасу. 11 сентября слѣдующая станція. Проѣхали 10 верстъ и остановка; нужно идти лѣсомъ и болотами! Сколько? 35 верстъ! Мыбыли голодны, утомлены, отошли. Этотъ день, пятый ходьбы, былъ днемъ мученія; все тѣло болѣло и ноги были стерты до крови, мокры и грязны; нервы разстроены до галлюцинацій. 13 сентября отъ Кемиирви мы двинулись на лошадяхъ. 210 верстъ до Торнеоѣ хали 3 сутокъ, потому что при ровной шоссированной дорогѣ, морозиомъ днѣ и сытой лошади—чухонская душа не дрогнетъ, грудь не надастъ крика, рука не взмахнетъ.

Послѣ приключеній во Франціи, это во второй разъ въ жизни мнѣ суждено было вытерпѣть столь крупный градъ испытаній. Сколько бы я не писалъ, я не могу достаточно выразить всю неирѣятность осаждавшихъ меня тяжкихъ мыслей. Больше всего меня мучило, что я не могу подать вамъ вѣсти о причинахъ своего промедленія и мое молчаніе могло породить неблагопріятныя для меня предположенія. Въ Москвѣ вѣроючи думали, что я лѣнись, мечтаю, путешествую за границей, веселюсь, кучу или употребляю деньги на цѣли востороннія экспедиціи. Цѣльствительно въ иные дни, особенно на болотахъ, я дорого далъ-бы за стаканъ вина. Комфортъ, которымъ я пользовалъ въ экспедиціи, и который слегка обрисовалъ выше, нисколько не улучшился-бы, лежи у меня хотя миллионъ въ карманѣ, разѣ только можно было-бы приказать нести себя на носилкахъ. Тяжело было лишь еше звуки роднаго языка, съ знаніемъ, что находишься въ землѣ, подъластной нашей Коронѣ, и рѣкъ съ иренебреженіемъ относятся и къ нашему языку, и къ нашимъ деньгамъ, и гдѣ люди незнакомы съ первыми правилами вѣжливости и благопристойности. И такие труды приходилось переносить не для науки, а для простаго передвиженія изъ одного пункта къ другому, безъ инструментовъ, безъ самой способности къ наблюденію. Всѣ окружающіе стали такъ противны, что я даже старался не смотрѣть на ихъ лица. На всемъ пути я не встрѣтилъ ни одного предмета, имѣвшаго этнографич. значеніе. Когда цѣлый часъ приходились толковать о томъ, чтобы вскинуть на огнь картофель, тогда было уже не до разспросовъ объ археології. Я былъ слишкомъ зануданъ: при каждой остановкѣ мнѣ мерещилось, что если не повезутъ дальше, и опять 30—40 верстъ поведутъ пѣшкомъ по трясинамъ! Федченко погибъ въ центрѣ Европы. Наколи я ногу въ болотѣ, упади при неловкомъ прыжкѣ съ камня на камень, получи лихорадку, въ лѣсу, при ограниченности съѣстныхъ припасовъ, неуклюжесть народа и незнаніе языка? Souffrir, languir.. et puis... mourir.

Вы поймите, что у меня изъ глазъ потекли обильны слезы, когда утромъ 15 сентября передо мной развернулась напорама Торнеоѣ съ полосой Ботническаго залива на горизонте. На мнѣ лежала ответственность за спасеніе другой русской души, сопровождавшей меня въ моихъ странствованіяхъ. Въ Торнеоѣ я увидѣлъ добрыхъ русскихъ козаковъ. Но еще не суждено мнѣ было тамъ вздохнуть свободно. Я не нашелъ на почѣ денегъ. А у меня оставалось всего 10 р. Въ томъ числѣ были затрачены 25 р., полученные отъ одного кольскаго купца и отъ Борисоглѣбскаго священника на выписку имъ книгъ изъ Петербурга. Я боялся, что мое письмо не дошло до васъ. Не получи я денегъ въ Улеаборгѣ, мнѣ было бы не я что послать вамъ телеграмму

16 сентября. Отѣзду изъ Торнео на пароходѣ.

Мы ушли только 25 верстъ до Кеми, когда началась буря, и нашъ пароходъ не могъ ѿхать дальше. Мы стояли ночь, все 17 *сентября* и еще ночь. 18 вечеромъ прибыли въ Улеборгъ. Я переночевалъ на пароходѣ. 19 *сентября* рано утромъ я пошелъ пѣшкомъ въ городъ, и на скамейкѣ бульвара дождался открытия почтовой конторы, раздумывая, что буду давать съ 2 рублями, если денегъ нѣтъ на почтѣ. Сильная радость и глубокая признательность за присылку. Разыскалъ доброго малаго казацкаго начальника, помѣстился въ гостиницу, послалъ вамъ депешу, размѣнялъ деньги. Курсъ невообразимо низкій. За 100 р., вмѣсто 400 марокъ, выдали въ банкѣ 250, т. е. вмѣсто каждыхъ трехъ рублей 2 рубля, это все равно, какъ если бы вмѣсто 200 р. я получилъ 125. Новая бѣда: пароходъ идетъ только 23 *сентября*, раньше нѣтъ средствъ выбраться. Пароходъ идетъ медленно, по ночамъ, за темнотою и опасностью дороги, стоитъ, заходитъ на станціи. Но я уже пересталъ огорчаться, возлагая упованіе на Провидѣніе и милость Неба.

Губернаторъ принялъ, обласкалъ меня, накормилъ обѣдомъ, самъ былъ у меня и уже распорядился о разысканіи багажа моего и о вы требованіи его съ установкой зимняго пути. Моя приключенія вадѣвали много шуму въ городѣ. Я нашелъ здѣсь прелестное общество ученыхъ и артистовъ и, за исключеніемъ русскаго, распространенное знаніе прочихъ языковъ, преимущественно англійскаго и итальянскаго. На послѣдніемъ я говорю много и съ удовольствиемъ. Мою переправу черезъ полярную Финляндію всѣ находятъ особенно удачной. Висконти, Вандерхортъ и самому губернатору доставалось тамъ хуже, чѣмъ мнѣ. Удивительно, что о тамошнихъ дорогахъ нѣтъ ничего въ литературѣ.

Здѣсь два фотографа. Я пріобрѣлъ богатѣйшую коллекцію финскихъ портретовъ. Снимать съ нихъ намѣренno для Комитета нельзя: они слишкомъ гор-

ды и упрямы, и фотографы не были въ силахъ уговорить ихъ. Меня впрочемъ хорошо поняли и впослѣдствіи исподволь могутъ исполнить заказы Комитета.

Теперь же финны говорятъ, что когда захотятъ сниматься, то придутъ къ фотографу сами и денегъ для этого имѣютъ достаточно.

Я сдѣлалъ важное для себя открытие, что есть вполнѣ зрѣлая финская нація. Прекрасно культивированная страна къ сѣверу отъ Торнео: шоссе, большиe крѣпкие дома, громадныe комнаты съ крашенными полами, цветами, мягкой мебелью, пышными постелями; такъ живутъ всѣ, читаютъ газеты. Мне казалось мѣстами, что я ѿду по Бельгіи или Англіи. Все чистые финны; въ городахъ все чиновничество, духовенство, всѣ фабриканты финны. Самъ здѣшній губернаторъ финнъ, учителя всѣ тоже. Говорятъ въ гостиницахъ по шведски, но знаютъ и другіе языки. Спектакли и самая опера идутъ на финскомъ языкѣ. Увѣряютъ, что Финляндія никогда не сдѣлаетъ Россіи затрудненій въ родѣ польскихъ или остзейскихъ. Даї Богъ. Во всякомъ случаѣ страна заслуживаетъ большаго вниманія.

Я теперь только уразумѣлъ, почему Н. К. Зенгеръ такъ настойчиво не совѣтовалъ мнѣ пускаться по Финляндіи, и я потомъ горько каялся, что не послушался его совѣтовъ. Онъ имѣлъ о странѣ болѣе вѣрное понятіе, чѣмъ я, не взирая на мою подготовку къ экспедиціѣ.

На пути мнѣ надо сдѣлать остановки на нѣсколько часовъ въ Гельсингфорсѣ для свиданія съ тамошними финнологами и сутокъ на двое въ Петербургѣ, чтобы познакомиться съ трудами Географическаго Общества и состояніемъ педагогическаго музея. Я отучился распоряжаться впередъ своимъ временемъ, такъ какъ всякое глупое теченіе воздуха можетъ задержать меня въ любомъ мѣстѣ на цѣлую недѣлю, потому не знаю, когда доберусь до Москвы.

II. ДОКЛАДЪ КОМИТЕТУ ПО ЭТНОГРАФИЧЕСКИМЪ РЕЗУЛЬТАТАМЪ.

10 октября, 1877 г.

Извиняясь незаконченностию систематического отчета, я прошу позволить мнѣ въ текущее засѣданіе ограничиться изложеніемъ только пѣкоторыхъ обстоятельствъ начала своей поѣздки и объясненіемъ добытыхъ этнографическихъ коллекцій.

Со дnia прибытия въ Архангельскъ до выѣзда въ зимнюю Золотицу прошло двѣ недѣли, въ теченіи которыхъ я находился въ распоряженіи Н. К. Зенгера. Сопровождая его въ визитахъ по городскимъ властямъ, я имѣлъ случай нѣсколько разъ видѣться съ Товарищемъ Предсѣдателя Статистического Комитета Г. О. Минейко, который, желая оказать содѣйствіе въ возложенномъ на меня ученомъ порученіи, вручилъ мнѣ немногіе находящіеся въ Комитете листы, хотя компилиятивнаго, но весьма добросовѣстнаго труда г. Дергачева о русской Лапландіи. Авторъ собралъ въ связный очеркъ все, что когда либо былописано обѣ этой окраинѣ и печаталъ его въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ. Очеркъ распадается на три отдѣла: статистику, географію и этнографію русской Лапландіи. Было предпринято печатаніе очерка отдѣльной брошюрою, но за недостаткомъ средствъ, или по другимъ вѣшнимъ причинамъ, нѣсколько листовъ остались не набранными, рукопись утратилась; такимъ образомъ книга не могла быть выпущена въ свѣтъ и навсегда осуждена тлѣть въ подвалѣ. Потому подарокъ г. Минейко былъ для меня несказанно драгоцененъ, хотя теперь, по окончаніи путешествія, я долженъ признаться, что и трудъ г. Дергачева, подобно всѣмъ прочимъ сочиненіямъ, на основаіи которыхъ онъ составляется, изобилуетъ нѣскрѣпами и иногда совершенно превратными показаніями. Лопарі въ изумленіи жалобно покачивали головами, когда я читалъ имъ пѣкоторыя страницы изъ этнографіи Дергачева, и спрашивалъ: правда ли то, что обѣ наихъ пишутъ? Главная причина ошибокъ заключается въ томъ, что комильторы незадумавшись все прилагаютъ къ русскимъ лопарямъ, что читаютъ обѣ скандинавскихъ лапландцахъ. Но между обоями группами разница и въ антропологическихъ, и въ бытовыхъ лапныхъ весьма и весьма значительна. Нашъ лопарь называетъ себя лопиномъ, а скандинавского — фільманомъ. Скандинавскій лопарь называетъ себя лапландцемъ или финномъ, а нашего — скольтомъ. Многозѣковая разница въ религіи, языкѣ и условіяхъ жизни провела между ними рѣзкую черту. Не могу не упомянуть о чрезвычайной любезности г. Секретаря мѣстного Статистического Комитета В. В. Михайлова, онъ же хранитель Архангельского музея. Василій Васильевичъ оказалъ существенную услугу и нашему Комитету и мнѣ, принявъ на себя трудъ отсыпалъ въ Москву сть тюки съ коллекціями, которые я посыпалъ къ нему изъ Лапландіи. Всѣ моя хлопотливыя и сложныя ходатайства по транспортировкѣ вещей были выполнены имъ съ быстротой и полной аккуратностью. Потому имѣю честь просить Комитетъ выразить г. Михайлова благодарность.

Въ Архангельскѣ же составлена мною представляемая въ Комитету пебольшая коллекція серебряныхъ привѣсовъ къ иконамъ. Привѣсами этиими ведется бойкая торговля на городскомъ рынке. Болитъ у человека глазъ, голова, сердце, разнемоглось все тѣло,

захворалъ ребенокъ или скотинка, и онъ покупаетъ у торговки серебряное изображеніе существа или органа, нуждающагося въ исцѣленіи, и привѣсиваетъ его па розовой ленточкѣ къ той иконѣ, которой онъ особенно вѣруетъ. Благочестивый обычай этотъ практикуется и въ католической церкви и имѣеть весьма древнее, быть можетъ, даже до-христіанское начало. Предметъ эти работаются въ самомъ Архангельскѣ серебряными мастерами и приобрѣтены мною въ виду ихъ замѣчательно-архапческаго стиля, напоминающаго напримѣръ формы каменныхъ бабъ или еще болѣе древнія изваянія неарійскихъ цивилизаций.

Съ Н. К. Зенгеромъ я имѣлъ случай посѣтить Соловецкій монастырь. Внимательно осматривая достопримѣчательности знаменитой обители, я часто заходилъ тамъ въ такъ называемую рухольную палату, т. е. монастырской цейхгаузъ или складъ всякаго рода вещественныхъ жертвъ, полагаемыхъ богомольцами къ мощамъ мѣстныхъ угодниковъ. Въ палатѣ, среди высокихъ кучъ всевозможной рухлиды, дешево распродаваемой и раздаваемой нуждающимся, мое вниманіе особенно привлекли два длинные ряда шкафовъ, сверху до низу заваленные тугими узлами полотенецъ, скатерть, фартуковъ, изъ которыхъ многіе украшены узорами русскаго шва. Извѣстно, какъ часто поднимался этнографами вопросъ о происхожденіи этого узора, по богатству фантазіи, чистотѣ стиля и виртуозности неуступающаго античной орнаментикѣ.

Узоры поддаются анализу и при тщательномъ изученіи обнаруживаются законы своего развитія. Единовременное существованіе такихъ работъ у славянъ, финновъ и сибирскихъ инородцевъ можетъ служить весьма любопытнымъ материаломъ къ научному определенію законовъ эстетической изобрѣтательности помнущихъ національностей. Благодаря любезности продавца монаха, мною были пересмотрѣны многія тысячи полотенецъ и собрана для этнографической комиссіи нашего Комитета предлагаемая коллекція русскихъ вышиваний, единственная занять по богатству далеко не послѣднее мѣсто среди прочихъ подобныхъ коллекцій Россіи. Передъ отѣзломъ изъ монастыря посыпанъ принадлежащий къ группѣ Соловецкихъ острововъ островъ Западній; тамъ осмотрѣны и срисованы выложенные на землю каменные фигуры; ихъ описание и рисунки преизвѣдены были еще лѣтомъ на имя Предсѣдателя нашего Комитета.

Въ Зимней Золотицѣ, подробное обслѣдованіе которой было произведено и описано Н. К. Зенгеромъ, по отѣзду послѣдняго, 28 июня, миѣ пришлось пробыть совершено невольно еще одни сутки. Это произошло оттого, что Волостное правление, находившееся въ Верхнѣй Золотицѣ въ 8 верстахъ отъ морскаго берега, не вѣрая на мои требованія, не торопилось доставить миѣ лодку и людей для перехода черезъ гирло Бѣлаго Моря на Лавандскій берегъ. Но отѣзду Н. К. Зенгера, въ занимаемомъ мною помѣщеніи, продолжалась та же торговля стрѣлками. Почти у каждого субъекта оказывалось по пѣкотору кремневыхъ орудій, найденныхъ на прибрежной песчаной отмели, и они охотно обмѣнивали ихъ на мелкія серебряныя монеты. Неоднократно послать я ребятишкамъ на попски и они приносили полныя шапки тонкихъ кремневыхъ осколковъ, несомнѣнно

отбитыхъ рукою человѣка, такъ какъ ихъ общимъ типомъ была тройная тупая грань съ одной стороны и плоскость, или слегка искривленная раковистая поверхность, съ другой. Величина отъ 1 до 4 сантиметровъ, края неправильные, весьма острые, поверхность свѣжая, необѣгившаяся. Обыкновенно, такъ какъ дикарю рѣдко удавалось однимъ ловкимъ ударомъ получить орудіе нужной величины и формы. Тѣ же осколки должны были получаться и при первыхъ пріемахъ обѣлки большаго кремля въ ножъ или стрѣлку. Вполнѣ сохранившихъ экземпляровъ законченныхъ каменныхъ стрѣлокъ пріобрѣтено для Комитета мною всего 24. Но даже обломки тщательно обѣлаившихъ орудій принадлежать къ прежнимъ находкамъ. Говорятъ, ихъ обыкновенно находятъ послѣ сильного вѣтра и бури на морѣ. Все пространство паходокъ представляетъ открытую низкую песчаную, лишенную растительности отмель, простирающуюся на 2—3 версты по обѣимъ сторонамъ устья рѣчки Золотицы и слишкомъ на версту въ ширину отъ моря. Крупныя составныя частицы песку всѣ находятся на поверхности. Сомнительно, чтобы при такихъ условіяхъ находимыя орудія исподвижно лежали въ теченіи многихъ тысячъ лѣтъ на тѣхъ именно пунктахъ, на которыхъ они были оставлены мастерами. Не мудрено, что мѣста поселенія и производства покрыты илью моремъ, и при волненіи вещи выбрасываются на берегъ съ костями потонувшихъ людей *), обломками судовъ и раковинами. Причина столь скучнаго нахожденія сохранившихъ экземпляровъ должна заключаться въ томъ, что закояченныя орудіяшли въ дѣло: стрѣлы стрѣлились, пожи ломались и бросались на мѣсто работы. Самымъ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ является прекрасно сохранившаяся хорошей работы кремисвый, медоваго цвѣта, ножъ 15 сант. длиною. Такіе же обломки и экземпляры, почему-либо недоконченной обѣлки, были находимы въ моемъ присутствіи и мною самимъ на приморскомъ пескѣ Зимней Золотицы. Всѣмъ мѣстнымъ поселеніемъ стрѣлки почитаются упавшими съ леба во время грозы.

На мои требованія и разспросы о другаго рода предметахъ, находимыхъ съ каменными стрѣлками, крестьяне приносили мнѣ камни съ дырочками. Впрочемъ большинство ихъ было отыскано по моему заказу ребятишками. Крестьяне единогласно заявили, что для рыбной ловли подобныхъ каменьевъ никогда не употребляютъ, а употребляютъ или кирпичныя грузила, или пришиваются къ неводамъ обыкновенные булыжники завернутые въ бересту. Изъ представленной коллекціи камней съ отверстіями на трехъ большихъ песчаниковыхъ камняхъ замѣтны слѣды начатыхъ недосверленныхъ отверстій. Два самые маленькие представляютъ особый интересъ своимъ размѣрами, исключающими, по легкости, всякую вѣроятность употребленія ихъ въ качествѣ рыболовныхъ грузилъ, и симметричностью расположения маленькихъ виадниковъ, сдѣланныхъ также рукою человѣка. Въ числѣ прочихъ пріобрѣтенныхъ мною находокъ, необыкновеннымъ курьезомъ является выдѣланная изъ твердаго песчаника неправильная фигура съ шестью пальцевидными остроконечными отрогами въ 95 миллим. величиною; назначеніе неизвѣстно. При-

вязанная на ремень, въ родѣ кистея или шестопѣра, вещь могла служить въ битвѣ весьма опаснымъ оружиемъ.

Мѣстныя старухи помнятъ сами или слышали отъ своихъ родителей, что давно, т. е. лѣтъ 60 тому назадъ, на той же самой песчаной отмели, вымывало покойниковъ стариннаго незапамятнаго погребенія. При одномъ скелетѣ былъ замѣченъ серебряный большой патѣльный крестъ на цѣпочкѣ. Благочестивые люди опять старательно зарывали кости. Въ одномъ мѣстѣ давно найдены зеленая стеклянная бусы, и дѣвочки бѣгали съ рѣшетами высѣвать ихъ изъ песку, пабрали нѣсколько нитокъ и долго въ нихъ щеголяли, называли ихъ *согрѣльки*, *согрѣлки*. Мною пріобрѣтена послѣднія уцѣлѣвшая такая нитка. Кроме того взяты у крестьянъ бусы другаго характера, вырѣзанный изъ аспида крестикъ и проч.

Въ самомъ селеніи ничего заслуживающаго вниманія не замѣчено. Каменныя орудія скуплены мною всѣ, за исключеніемъ четырехъ экземпляровъ: второстепеннаго качества обломковъ отъ стрѣлокъ съ заузренными краями. Съ вещами этими собственники разстались совсѣмъ не пожелали. Две стрѣлки остались у лавочницы Субботиной и дѣвѣ у другой мѣстной крестьянки.

Вечеромъ 29 іюля, за недоставленіемъ ямской подводы для перѣѣзда въ Лапландію, я поспѣшилъ воспользоваться предложеніемъ кандалакскаго крестьянина изъ с. Кузомени Федора Пономарева, отиравшагося изъ дома за пріовизіей въ Архангельскъ и восемнадцатыя сутки сидѣвшаго въ Золотицѣ вслѣдствіе неблагопріятныхъ ему лѣтнихъ или русскихъ (южныхъ) вѣтровъ. Я за 15 р. подрядилъ его доставить меня черезъ гольменъ (открытое море) къ ближайшему, самому южному, лопарскому погосту, противъ острова Сосновца. У Пономарева была *шняка*, морская парусная лодка сажень пять длиною и при пей работнико. Вѣтеръ дулъ попутный. Вещи были быстро упакованы и свезены на судно. Въ 6 час. вечера парусъ былъ поднятъ и шника, сильно раскачиваясь, полетѣла по волнамъ Бѣлага моря въ вождѣнную Лапландію, обѣ которой я почти до болѣзни думалъ, читалъ, писалъ и говорилъ цѣлые бѣсѣдки. Видъ Зимне-Золотицкаго берега быстро сокращался позади меня, такъ что я едва успѣлъ набросать въ альбомъ его общія очертанія.

Общий очеркъ моего тягостнаго перѣѣзда вдоль Мурманскаго берега уже извѣстенъ вамъ изъ моихъ писемъ Предсѣдателю, потому, не утомляя далѣе вашаго вниманія, я ограничусь на сей разъ представлениемъ собранной мною этнографической коллекціи. Вещи, отправленныя почтой черезъ Архангельскій статистическій комитетъ, прибыли въ Москву всѣ и своевременно. Немногіе предметы, взятые съ собою, я долженъ былъ покинуть въ Финляндіи, за трудностію пѣшеходнаго пути, вмѣстѣ съ собственнымъ баражемъ и вещами моего слуги, въ одной фермѣ на южномъ берегу озера Эпаре. Г. Улеаборгскимъ губернаторомъ мій обѣщано, что съ началомъ зимняго пути оставленные тюки будутъ высланы черезъ его посредство въ Москву.

Кромѣ дневнаго журнала и въ путешествіи имѣлъ безотлучно при себѣ небольшой путевой альбомъ, въ который, кроме типовъ, вскорѣ запоспѣлъ карандашомъ формы предметовъ, той или другой стороны ка-сающихся широкихъ цѣлей моей экспедиціи. Такимъ образомъ, согласно требованіямъ своей инструкціи и вопросамъ поставленнымъ въ замѣткѣ А. П. Богданова

*.) Въ шестидесятыхъ годахъ противъ Зимней Золотицы поплылъ въ бурю торговый корабль купца Заборщикова, съ сыномъ хозяина и со всѣмъ экипажемъ.

нова, мною составлены и представляются вашему вниманию слѣдующія коллекціи:

Альбомы. 2 листа съ 18 рисунками рѣзьбы по дереву и кости (есть одинаковые съ узорами каменного вѣка), 1 таблица изъ 5 рисунковъ дегтемъ на задкахъ лопарскихъ саней; 1 листъ узоровъ, печатаемыхъ ольховой краской на замшѣ; 1 таблица изобразительного письма, при ней автентичная книжка; 1 таблица со 190 фамильными клеймами, при ней листокъ автографовъ лопарей; 2 таблицы съ 4 главными типами туземныхъ построекъ; 1 таблица записей на биркахъ и съверныхъ названій странъ свѣта; 2 таблицы каменныхъ куч на Св. Носѣ и Мурманскомъ берегу; 1 картонный листъ съ 18 образцами замѣчательныхъ, по красотѣ, лопарскихъ женскихъ вышиваний бисеромъ по цветному сукну (подушечки для иголокъ); 1 листъ съ 17 серебряными привѣсами изъ Архангельска; 1 списокъ слишкомъ 200 съверно-русскихъ провинціализмовъ, произношеній и выраженій; 2 фотографическихъ вида лопарского Пазрѣцкаго погоста, сверхъ того отдельываются рисунки нѣкоторыхъ пейзажей и сценъ. Собрано около 50 съверно-русскихъ вышиваний и кружевъ наиболѣе рѣдкихъ типовъ.

Бытовые предметы. 1 модель свайнаго амбарчика лопарской работы, рисунки для другой подобной модели; планы и принадлежности для построенія на выставкѣ лопарской вѣжи и дорожной палатки; 1 модель лопарскихъ санокъ туземной работы; 1 модель сѣдла на олена, 2 оленыхъ сбруи; 19 разнаго вида рѣзныхъ дощечекъ съ клеймами, надѣваемыхъ на шею оленямъ; 1 бирка, 1 напоспѣкъ, надѣваемый на собаку при охотѣ; 3 кожаные кочевые мѣшка; 5 берестяныхъ коробокъ; 2 скатерти изъ бересты, 1 деревянное блюдо; 5 старинныхъ штамповъ для печатанія на замшѣ (есть рисунки бронзоваго вѣка); оленьи жилы и нитки изъ нихъ; трава ситникъ и сѣно изъ нея для обуви; ольховая краска; лопскій чай; 1 рукомойникъ, 3 вещицы изъ кости; 1 деревянный молотокъ, 2 рукодѣльные коробки изъ сосновыхъ корней, 1 шитый воротникъ къ женскому платью. Большинство этихъ предметовъ было почти единственными экземплярами, уцѣлѣвшими отъ прежнаго времени. Мѣстное производство совершенно вытѣснится наплывомъ привозныхъ фабричныхъ товаровъ.

Одежда. Лопарскаго платья привезено мною на семь манекеновъ. Для лучшаго осмотра этихъ курьезныхъ костюмовъ, появляющихся въ Москвѣ въ первый разъ, я предпочелъ показать часть ихъ на живыхъ людяхъ.

(При этомъ въ залу засѣданія были введены мужчина, мальчикъ и женщина съ люлькой груднаго ребенка въ рукахъ, одѣтые въ зимнее лопарское одѣяніе. Референтомъ были объяснены составныя части, покрой и название каждой вещи). Списокъ собранныхъ вещей представляется въ такомъ видѣ:

1 мужская, 1 дѣтская, 1 дѣвичья зимнія мѣховые шапки, изящно расшитыя пестрыми сукнами и бисеромъ; 1 шапка самодѣлского покроя (чабачокъ); 3 лѣтнихъ лопарскихъ колпака, 3 женскихъ повойника, 1 дѣвичья перевязка, пышно расшитая бисеромъ; 1 головной уборъ норвежской лапландки; 1 кольский повойникъ (всего 13 головныхъ уборовъ); 3 платка въ туземномъ вкусѣ; 2 пары очковъ, надѣваемыхъ въ мятель; 1 сережки изъ пуха, 2 связки для сережекъ, бусы разныя; 1 мужской оленій печѣкъ, 1 дѣтскій; женская теплая юпа, 1 мужская суконная юпа, 1 старушечий сарафанъ, 1 дѣвичий сарафанъ; 3 пары оленевыхъ рукавицъ, 4 пары разныхъ мѣховыхъ башмаковъ, 3 пары кожаныхъ, 4 пары оборотовъ (привязки) къ нимъ; 1 замшевый штаны, 1 высокіе мѣховые сапоги; 1 полный охотничій приборъ; 2 мѣшочки для пуль, замѣчательные вышитой на нихъ *счастликомъ* (древне-арійскій знакъ удачи); 3 пояса, одинъ изъ нихъ съ мѣшкомъ для денегъ; 1 чахоль для ножа; 2 замшевыхъ кошелька для денегъ; 1 игольникъ, 1 гребешокъ, 2 кошелька съ принадлежностями для добыванія огня; 2 рабочихъ ридикюля; 1 люлька съ полнымъ приборомъ для ребенка, при ней старинный талисманъ; 1 мячъ; 1 лыжи; 1 оленья шкура (постель); 1 оленья шуба-одѣяло.

Собраны также образцы нѣкоторыхъ любопытныхъ минераловъ.

Отчетъ о сдѣланномъ мною по Антропологіи и Археологіи Лапландіи я буду имѣть честь представить въ слѣдующемъ засѣданіи.

III. ДОКЛАДЪ КОМИТЕТУ ПО АНТРОПОЛОГИЧЕСКИМЪ РЕЗУЛЬТАТАМЪ.

4 ноября, 1877 г.

По антропологии обследованного края, согласно имѣвшимися у меня инструкціямъ Брока, Монте-гаца, замѣткѣ А. П. Богданова и моей собственной программѣ, исполнено слѣдующее:

Вслѣдствіе имѣвшихся показаній о разнообразіи въ физиологической структурѣ русскихъ лопарей разныхъ погостовъ была объѣхана мною вся Лапландія отъ востока до запада, осмотрѣно все племя и сдѣланы тщательныя наблюденія.

Изучено племя съ точки зрењія сходства его обычавъ съ іудейскими и сближенія его, по покрою костюма, съ изображеніями древнихъ скіевъ; обращено вниманіе на присутствіе монголовидности въ типѣ лица.

Составленъ словарь слишкомъ двухсотъ элементарныхъ словъ лопарского языка на восточномъ и западномъ нарѣчіяхъ. При содѣствіи филологовъ Европеуса, Кроны и Генетца есть надежда на серьезные филологические выводы.

Въ 11 селеніяхъ сдѣлано 35 тщательныхъ полныхъ измѣреній надъ самыми типичными, чистокровными субъектами. Въ томъ числѣ измѣрено

отъ 10 до 20 лѣтъ	3	человѣка,
20 до 30	»	9 »
30 до 40	»	12 »
40 до 50	»	6 »
50 до 60	»	5 »

Сверхъ вопросовъ, отмѣченныхъ въ схемѣ Брока, я при каждомъ наблюденіи записывалъ еще высоту колѣна, длину и косвенность глазного разрѣза, кривизну волосной линіи, густоту усовъ, бороды, бакенбардѣ, форму уха, толщину шеи, развитость безъимянного пальца на руки и большаго на ногѣ, кривизну ногъ, прическу, цвѣтъ глазного яблока.

Данныя эти послужатъ весьма характерными признаками племени.

Снято съ самыхъ типичныхъ субъектовъ 12 масокъ, изъ коихъ доѣхала до Москвы едва половина, остальные превратились въ порошокъ. Къ маскамъ, кроме измѣреній, сдѣланы въ альбомъ эскизы головъ въ фасъ и профиль (всего около 20 портретовъ).

Съ 28 измѣренныхъ особей взяты обращики волосъ. Получено на воску девять отпечатковъ зубовъ.

Выкопано изъ могилъ 9 лопарскихъ автентичныхъ череповъ и одинъ костякъ. Скудный остеологический матеріалъ объясняется малочисленностью племени и разбросанностью и неизвѣстностью могилъ.

Сдѣланы наблюденія надъ цвѣтомъ дѣтей, шрамовъ на тѣлѣ, надъ скрещиваніями, надъ подверженностью болѣзнямъ, надъ погребальными обычаями.

По статистикѣ племени собраны самостоятельнымъ трудомъ данные по смертности дѣтей и допрошено 38 семей. Отъ 12 старухъ получены показанія касательно плодовитости и долговѣчности. Собрана на мѣстѣ статистика рожденій и смертности по западно-лопарскимъ приходамъ за 18 лѣтъ. Въ г. Колѣ добыты свѣдѣнія о современной численности племени (всего русскихъ лопарей существуетъ менѣе 2000). Составлена впервые точная карта мѣстонахожденія и перекочевокъ племени.

Описаны согласно программѣ вкусы лопарей къ пищѣ, къ табаку, способности къ пѣнію, пляскамъ, плаванію, дѣйствіе испуга, сила памяти, семейный

быть, повѣрья, взгляды на сѣверное сїнне, игры, религиозныя понятія, тоска по родинѣ. Записаны разсказы священниковъ и рядъ наблюденій въ области нравовъ племени.

Порученіе представить группу лопарей на выставкѣ исполнено. Коллекція по орнаментовкѣ принятаго стиля обѣщає привести къ весьма курьезнымъ выводамъ.

Портреты лопарей обѣщаны для выставки англичаниномъ Грантомъ. Мною привезено 12 негативовъ со шведскихъ лапландцевъ, т. н. фольмановъ и 80 штукъ портретовъ сѣверныхъ финновъ.

По археологіи доисторической сдѣлано: изъ Зимней Золотицы привезено 160 каменныхъ орудій: 148 стрѣлокъ (24 цѣлыхъ), 11 грузилъ (3 большие съ начатыми отверстіями, 2 малыхъ съ попытками орнаментациі), 1 предметъ изъ песчаника съ шестью пальцевидными отростками неизвѣстнаго назначенія.

Оттуда же таблица съ найденными старинными бусами и сергами.

Сдѣланы рисунки и подробный описания мѣстонахожденія на берегахъ Бѣлаго и Ледовитаго морей каменныхъ концентрическихъ круговъ, такъ называемыхъ вавилоновъ.

Сдѣланы виды и рисунки древнихъ каменныхъ кучъ, пещеры св. Трифона, плановъ городищъ; разсльданы древнія коническая ямы, известныя подъ именемъ чудскихъ; осмотрѣны гангасы, обширныя группы ямъ, рытыхъ языческими лопарями для ловли дикихъ оленей; записаны разныя легенды, показанія туземцевъ о мѣстностяхъ, интересныхъ въ археологическомъ отношеніи.

Всѣ добытые результаты будутъ подробно описаны въ систематическомъ отчетѣ о моей экспедиціи.

Попытка поработать въ Финляндіи оказалась весьма злополучной, какъ уже извѣстно изъ моего частнаго сообщенія г. Предсѣдателю нашего Комитета.

Изъ Улеаборга, откуда адресовано было отъ меня послѣднее письмо къ г. Предсѣдателю, мнѣ противъ ожиданія пришло выѣхать едва на пятый день. Ранѣе не отходило ни одного парохода. Губернаторъ предлагалъ мнѣ двинуться домой черезъ Йденсальми (т. е. 250 верстъ на лошадяхъ и оттуда до Выборга водою) и даже любезно предлагалъ мнѣ свой рессорный экипажъ, но я предпочелъ ждать парохода, потому что путь на немъ былъ легче, выгода во времени могла быть не болѣе однихъ сутокъ, и при этомъ меня интересовало посѣтить Гельсингфорсъ, сердце финской культуры.

Въ Улеаборгѣ оказались два, и то весьма посредственные, фотографа: одинъ Вас. Ив. Филипповъ, русскій, другой Віёркманъ, чухонецъ, почти не знающій прочихъ языковъ. Съ помощью начальника мѣстной казацкой сотни Павла Сем. Алубасова, все время осыпавшаго меня ласками и существенными услугами и тѣмъ поселившаго въ моей душѣ чувство къ себѣ самой горячей дружбы и благодарности, я перерыть тщательно обѣ мастерскія и выбралъ изъ ихъ работы тѣ, которые заслуживали наиболѣе вниманія. Эти поиски дали мнѣ коллекцію автентичныхъ финскихъ портретовъ съ поручительствомъ самихъ фотографовъ въ чистокровности субъектовъ. Изъ многихъ тысячъ карточекъ они откладывали для

моего выбора только коренныхъ деревенскихъ жителей. Городское сословіе есть помесь.

Собранные 80 портретовъ суть изображенія только финновъ илемени Savolaks; они одиночные, парные и семейные и заключаютъ всего около 200 человѣческихъ изображеній. Всѣ попытки заказать портреты въ величину и въ оборотахъ, опредѣленныхъ нашими антропологическими инструкціями, оказались тщетными по непомѣрному упрямству и гордости народа. Даже бѣднѣйшіе отвѣчаютъ, что имѣютъ настолько средствъ, чтобы прийти и сняться, когда вздумаютъ само. Фотографы впрочемъ говорили, что могутъ исполнить желаніе Комитета Антропологической выставки, но не вдругъ а постепенно и безъ вѣдома приходящихъ сниматься субъектовъ. Одинъ изъ нихъ, постоянно странствующій по Сѣверной Финляндіи и проживающій въ Улеаборгѣ фотографъ Филипповъ выражалъ мнѣ полную готовность принять на себя ученое порученіе Комитета.

Благодаря моимъ тѣжелымъ приключеніямъ въ Финской Лапландіи, рассказы о коихъ скоро распространілись въ городѣ, я былъ весьма обласканъ мѣстнымъ интеллигентнымъ обществомъ и коротко перезнакомился со всѣми главными представителями города. Мною были внимательно осмотрѣны мѣстная сапожная фабрика, изготавляющая обувь на народо-населеніе нѣсколькихъ губерній Финляндіи большая фабрика шведскихъ спичекъ, обсерваторія, воздвигнутая на руинахъ какого-то древніго укрѣпленія и явагаціонная школа съ небольшимъ музеемъ разныхъ заморскихъ рѣдкостей, презентованыхъ заведенію его бывшими учениками.

Я коротко сошелся съ молодымъ финномъ скульпторомъ Эрландомъ Стенбергомъ. Онъ долго работалъ въ Римѣ, живетъ обыкновенно въ Гельсингфорсѣ и, задумавъ теперь цѣлый рядъ сюжетовъ изъ своей національной поэмы Калевала, пугающе существуетъ по сѣверной Финляндіи съ цѣлью изученія національного типа. Всѣдѣствіе его убѣждено, что существуютъ въ илемени Саволаксъ красивыя лица, памъ съ нимъ проходило не мало спорить, что впрочемъ еще болѣе прояснило наши взгляды на дѣло. Господинъ Стенбергъ выражалъ также готовность потрудиться и для нашей выставки; онъ, по крайней мѣрѣ далъ мнѣ слово прислать въ Комитетъ въ видѣ образца своихъ этюдовъ бюстъ сѣверно-финского типа. Благодаря посредству г. губернатора Отто Нюберга, я познакомился съ инженеромъ-металлургомъ финляндскаго правительства Сведеніусомъ, который проводилъ уже четвертое лѣто на золотокромысльяхъ рѣкѣ Иволоюки, расположенныхъ версты на 25 выше того мѣста, съ которого я предпринялъ свое пѣшеходное странствование. На этой рѣкѣ бываютъ изрѣдко находки кремневыхъ орудій, и нѣсколько экземпляровъ г. Сведеніусомъ уже представлены въ Гельсингфорсскій музей. И это лѣто инженеромъ былъ пріобрѣтенъ отъ рабочаго найденный въ нескѣ отломанный конецъ довольно крупной и хорошо выдѣланной стрѣлы, закругленной формы, свѣжаго вида и почти прозрачной.

Изъ Улеаборга я послалъ А. Н. Богданову депешу и письмо съ подробностями о своемъ странствованіи.

Оттуда же было отправлено письмо въ Англію къ вѣкоему г. В. Гранту по слѣдующему поводу. Въ бытность свою на р. Пазѣ, нѣграницѣй между Россіей и Норвегіей, я имѣлъ случай видѣть въ домѣ

порвежскаго клерка (станового) весьма роскошный фотографический альбомъ съ лапландскими видами и портретами туземцевъ. Фотографіи были мелки, но столь тщательно исполнены, что конечно ни мало не потеряли бы при увеличеніи. мнѣ было объяснено, что альбомъ составляеть презентъ клерку отъ одного богатаго молодаго англійскаго студента Гранта, прѣжившаго отъ нечего дѣлать лѣтомъ 1876 года съ фотографическимъ лицомъ въ Лапландію. Естѣнъ его адресъ сохранился въ домѣ, я выписалъ его, равно и название интересныхъ для моей цѣли снимковъ, съ намѣреніемъ просить г. Гранта о присыпаніи ихъ для нашей выставки. Успѣшный результатъ этого ходатайства уже извѣстенъ Комитету.

Умалчивая о рѣдѣ знакомствъ, не имѣвшихъ прямого отношенія къ моему порученію, не могу еще разъ не упомянуть объ истинно отеческомъ приемѣ, оказанномъ мнѣ г. губернаторомъ, большимъ русофиломъ и въ тоже время примѣрнымъ сыномъ своей холодной родины, радиющимъ обѣ ея части и блудущимъ свито наставленіе Мономаха, что гости разносятъ обѣ странѣ дурную или хорошую славу, смотря потому, какъ ихъ принялъ.

Г. губернаторъ чрезвычайно усмокнулъ меня быстрымъ распоряженіемъ о томъ, чтобы покинутая на сѣверѣ мои вещи и ученье инструменты береглись въ цѣлости, и далъ мнѣ слово съ установкой зимняго пути не медля вытребовать ихъ въ Улеаборгѣ и пропроводить затѣмъ въ Москву. На прощаніи въ числѣ другихъ одолжений генералъ Нюбергъ вручилъ мнѣ рекомендательное письмо къ своему родственнику извѣстному Юліусу Крону, профессору финскаго языка и редактору финскаго журнала. И прошу Комитетъ выразить Улеаборгскому губернатору генералу Отто Нюбергу признательность за оказанное мнѣ содѣйствіе.

23 сентября я пошлилъ на пароходѣ, оставивъ въ маленькомъ Улеаборгѣ (7000 жит.) кружокъ людей, къ которымъ я уже усилья горячо привязалъся. Вмѣсто предполагаемаго трехдневнаго перѣѣзда, мы плыли по морю семь сутокъ, потому что погода была бурная, дорога черезъ шхеры (безчисленные мелкие гранитные, заросшіе соснами, островки) весьма опасна и ночи такъ темны, что пароходъ двигался въ сутки только по 12 час., и въ каждые 6 час. вечера устанавливалися на якорь. На пути мы заѣзжали въ города Вазу, Христианстадъ, Або, и только 29 сентября въ 2 часа по полууди прибыли въ Гельсингфорсъ. Весь путь черезъ Финляндію былъ для меня весьма убыточенъ: наши русскіе рубли принимались въ уплату вездѣ по 65 коп. Ландшафты необычайно живописны; и не запомню, чтобы подобная красоты встрѣчались мнѣ гдѣ въ Европѣ. Панорамы гранитныхъ скалъ, чередующихся съ веселыми лужайками и фермами, громадные пароходы и корабли съ гордо поднятymi парусами, двигающіеся какъ прізраки между островками архипелаговъ, яростныя волны безнокойнаго Ботническаго залива, разорванный клочья гонимыхъ по небу облаковъ, блестящіе чистотою крохотные какъ игрушки города, комфорта и усадьбы и виллы, довольно и чистое населеніе—все богатый материалъ для пейзажиста, только не для патріота скульптора. Чистокровное финское населеніе не представляетъ ни одного краснаваго лица. Есть фигуры здоровья и развитыя, но вездѣ рѣшительное отсутствие грации, изящества, при томъ какая-то дряблость, сонливость и мрачность настроенія, вѣроятно отъ климато-

молока, которымъ питается каждый чухонецъ, и отъ табачныхъ трубокъ или жвачекъ, отъ колыбели до могилы невыходящихъ изъ ртовъ обоего пола. Другое дѣло вышее и городское сословіе, называющее себѣ финляндцами, представляющее смѣсь финновъ со шведами, нѣмцами, поляками, русскими, евреями и проч. Послѣднее говоритъ по шведски, но обыкновенно знаютъ и много другихъ языковъ, хотя знае итальянского или нѣмецкаго языка встрѣчалось мнѣ чаще, нежели русскаго.

Въ Гельсингфорсѣ съ трудомъ отыскалъ я себѣ помѣщеніе, потому что всѣ гостиницы по случаю сейма были заняты. Добывъ себѣ комнату въ маленькомъ отелѣ у станціи желѣзной дороги, я съ огорченіемъ узналъ, что поѣздъ отходитъ въ Петербургъ только разъ въ день, въ 9 час. утра, и такъ какъ въ виду служебныхъ обязанностей медлить не приходилось, то для всѣхъ визитовъ и осмотровъ коллекцій мнѣ оставались только немногіе часы до ночи. Первымъ долгомъ я явился къ профессору Крону, вполнѣ оправдавшему отзывъ о немъ г. Нюберга. Г. Кронъ немедленно предложилъ себѣ въ чичерове и послѣ краткаго совѣщанія о распоряженіи временемъ, я началъ эксплуатировать его любезность. Мы отправились къ г. Аспелину, известному автору трактата о сѣверныхъ древностяхъ; въ его кабинетѣ я услыхалъ первая радостная вѣсти о томъ, что наши дорогіе сочлены по Комитету, разѣхавшіеся по окраинамъ Россіи, всѣ вернулись живы и здоровы и съ богатыми материалами, услыхалъ также подробности о казанскомъ сѣѣздѣ. Разговоръ шелъ по нѣмецки, хотя оба ученые свободно читаютъ и понимаютъ по русски. Приближались сумерки и мы поспѣшили въ мѣстный музей,immerшающійся въ прекрасномъ многоэтажномъ зданіи химической лабораторіи. Вестибуль зданія украшенъ 2-мя статуями работы вышеупомянутаго Стейнберга. За краткостью времени мы миновали художественные и другія коллекціи, какъ ни интересовали меня создания финскаго генія, и прямо поднялись въ четвертый этажъ въ такъ называемое этнографическое отдѣленіе, консерваторомъ коего состоитъ г. Аспелинъ. Въ отдѣленіи замѣчательны: чрезвычайно богатое полное собрание предметовъ Калоша, привезенное музею однимъ капитаномъ изъ бывшихъ русскихъ Сѣверо-Американскихъ владѣній *) и затѣмъ единственная въ своемъ родѣ, составленная почти исключительно трудами г. Аспелина, коллекція молоткообразныхъ полированныхъ топоровъ изъ сіенита. Въ музѣи ихъ не одна сотня экземпляровъ въ разныхъ фазахъ отдѣлки и всѣ прекрасно сохранившіеся. Какъ известно, Финляндія составляетъ главное мѣсто нахожденія этихъ орудій. По свидѣтельству Аспелина, практическое изслѣдованіе страны по отношенію до исторического ея быта еще ждетъ своего начала; ни экспедицій, ни специальныхъ раскопокъ съ этой цѣлью еще не было сдѣлано. Я имѣлъ удовольствіе съ наиболѣе характерными экземплярами въ рукахъ слышать объясненія такого знатока своего дѣла, какъ Аспелинъ. Въ музѣи имѣются нѣсколько экземпляровъ молотковъ съ медвѣжьими головами мѣстного пахожденія и много любопытныхъ желобчатыхъ каменныхъ долотъ,ѣроятно служившихъ для выдалбливанія

лодокъ, выживавшихъ предварительно огнемъ; замѣчательны фибулы (одна около 4 вершк. въ диаметрѣ), вещи бронзоваго вѣка, съѣники и проч.; также богатое собраніе по исторической археологіи, получившееся вслѣдствіе смысли католического культа на протестантской.

Наступали сумерки и мы съ Крономъ почти бѣжали въ Финскій Этнографический Музей. Это собраніе составлено было студентами мѣстного университета къ выставкѣ финскихъ произведеній, бывшей въ Гельсингфорсѣ въ 1876 году во время сейма, удостоенаго Высочайшаго посѣщеніемъ.

Собраниемъ вполнѣ исчерпана этнографія страны и оно по совершенству является почти идеальнымъ. Каждому племени отведена особая небольшая комната. Кромѣ мѣста, отдѣленаго для прохода публики, стѣны, потолокъ и полъ отдѣланы соответственно внутреннему убранству жилья; сложена печка, поставлены шкафы, кровати, стулья, полки, вся посуда. Манекены сгруппированы въ сцены, напр. вечеръ подъ Рождество, одѣванье невѣсты, отѣздъ на рыбную ловлю и т. п. Фигуры, и особенно головы, безподобны, все работа одного шведскаго артиста. Даже отдельно стоящіе манекены чрезвычайно эффектно укрѣплены пе на подставкахъ, а стоять прямо ногами на полу. Музей заключаетъ до десяти комнатъ. Я не могу ничего сказать о подробностяхъ; я провелъ въ музѣи не болѣе 20 минутъ, потому что такъ смерклилось, что безъ огня уже ничего не было видно. Есть коллекціи деревянной посуды и вышиваній на ручникахъ; большинство повидимому исполнено по русскимъ оригиналамъ. Весьма богатый финскій этнографический альбомъ издалъ однимъ выборгскимъ фотографомъ.

Затѣмъ г. Кронъ доставилъ мнѣ возможность посѣтить роскошный палаццо, сооруженный на студенческіи деньги и принадлежащий студентамъ. Въ немъ большой танцевальный залъ, отдаваемый в наймы и для разныхъ засѣданій, недорогой ресторанъ для студентовъ, библіотека, общирный кабинетъ для чтенія массой всевозможныхъ періодическихъ пізданій, шахматный кабинетъ и проч. Вечеръ я провелъ у г. Крова, въ обществѣ его, Аспелина и мѣстного профессора философіи, интересующагося антропологіей. Разговоръ все время разумѣется представлялъ рядъ разсказовъ по интересующимъ насть предметамъ. Аспелинъ издалъ 2 тома своего труда и готовить еще три, которые, подобно второму, всѣ будутъ заняты культурой желѣзного вѣка. Онъ сообщилъ мнѣ весьма драгоценныя указанія по литературѣ о вавилонахъ, которые мною были встрѣчены въ Лапландіи и существуютъ, по его словамъ, по всему восточному берегу Ботническаго и сѣвернаго Финскаго заливовъ. Множествомъ рекомендованныхъ и показанныхъ мнѣ шведскихъ монографій я убѣдился, что безъ знанія шведскаго языка наши изслѣдованія въ области доисторической археологіи будутъ лишены прочнаго фундамента. Аспелинъ весьма заинтересовался моимъ сообщеніемъ о мѣдномъ идоличкѣ въ Архангельскомъ музѣи, и за подробностями желалъ обратиться къ секретарю В. В. Михайлову.

Стремленіе финскихъ авторовъ ввести свой народный языкъ въ кругъ литературно-ученыхъ языковъ и занести какъ фактъ. Г. Кронъ мнѣ далъ указанія по отношенію филологіи края. Отъ г. Аспелина я заручился согласіемъ оказать зависящее отъ него содѣйствіе нашей выставкѣ во всемъ, где могутъ потребоваться его услуги. При разставаніи онъ просилъ

*) Комитету сѣдовало бы имѣть въ виду, что Финляндія имѣть весьма породочный флотъ, совершающій иногда отдаленные рейсы. Быть можетъ, въ средѣ моряковъ нашлись бы люди, способные выполнить ученыя порученія.

засвидѣтельствовать его особую преданность нашему сочлену Ю. Д. Филимонову, которому онъ обѣзъялъ всѣми своими познаніями въ русской археологии. Я уѣзжалъ изъ города глубоко сокрушаясь, что не успѣлъ толкомъ осмотрѣть этнографического музея, не видаль двухъ музеевъ финской живописи и скульптуры, не успѣлъ поклониться маститому старцу Лѣнроту, воспріемнику финского эпоса, собравшему и издавшему въ свѣтъ знаменитую Калевалу; не видаль проживавшаго въ усадьбѣ молодаго ученаго Арвіда Гепетца, совершившаго въ 1876 г. путешествіе по русской Лапландії, привезшаго оттуда тоже нѣкоторыя коллекціи и въ настоящее время лучшаго знатока лапландскихъ нарѣчій. Но спошенимъ связаны и могутъ быть культивированы.

Для антропологическихъ работъ въ Финляндію надо командировать финна, отнюдь не русскаго. Во первыхъ, даже финнофилы призываютъ въ своихъ соотечественникахъ большую дозу несообщительности, упрямства и скрытности; во вторыхъ, нельзя путешествовать по странѣ безъ знакомства туземнаго діалекта. Число знающихъ его русскихъ равно нулю, и его изученіе представляется мало привлекательности. Миѣ передавали за истинное событіе, что одинъ сѣверный финнъ цѣлую недѣлю смотрѣлъ, какъ мучился его русскій гость, старавшійся вразумить ему свои потребности, и только при прощаніи пояснилъ, что онъ живалъ въ Россіи и весьма способно можетъ говорить по русски. Улеаборгскій губернаторъ, путешествовавшій по губерніи, при входѣ въ избу на своей вѣжливый поклонъ удостоивался получать отъ молча сидѣвшихъ по лавкамъ мужиковъ, въ шапкахъ и съ трубками въ зубахъ, едва замѣтный пренебрежительный кивокъ, и ни встрѣчи на крыльцѣ, ни угощенія, ни проводовъ, ни одного радушнаго слова.

1 октября утромъ въ Петербургѣ я былъ у Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Географическаго Общества Л. Н. Майкова для справки, не имѣется ли въ нихъ собраніяхъ материаловъ, касающихся Лапландії. Г. Майковъ сообщилъ, что печатается въ настоящее время весьма капитальный трудъ Е. Фименко—*Обычное право лапарей*, выйдетъ въ свѣтъ около Нового года, и обѣщаѣтъ мнѣ экземпляръ изданія, необходимаго для обработки моего собственнаго трактата; что другой серьезный трудъ: *карта русской Лапландіи*, составленная бывшимъ коллежскимъ лѣсничимъ Трофименко, еще не издана и оригиналъ находится въ библіотекѣ Общества. Съ вопросами о томъ, что сдѣлано въ Петербургѣ по пестории происхожденія русскаго узора, Л. Н. посовѣтовалъ мнѣ обратиться къ лицамъ, специально занимавшимся этими изслѣдованіями: гг. Стасову, Григоровичу, Прохорову (за краткостію времени и не могъ добыть интересовавшихъ меня справокъ). Я съ большой пріязнительностью принялъ совѣтъ посытить извѣстнаго антрополога Л. К. Ивановскаго, хранителя академическаго музея И. С. Полякова, только что вернувшагося изъ сибирской экспедиціи, и В. Н. Майкова, извѣстнаго изслѣдователя мордовы. Л. Н. возложилъ на меня пріятное порученіе передать А. И. Богданову только что состоявшееся постановленіе Совѣта Географическаго Общества о намѣреніи его принять серьезное участіе въ нашей выставкѣ и, въ виду вицшаго сбереженія силъ для содѣйствія русскому дѣлу, отвѣтчать на поступившее въ Общество приглашеніе отъ Комитета парижской всемирной выставки 1878 г. решительнымъ отказомъ.

2 октября рано утромъ мнѣ удалось захватить И. С. Полякова въ постели и познакомиться съ этимъ оригинальнымъ ученымъ труженикомъ, закаленнымъ въ ученыхъ экспедиціяхъ. Ив. Сем. радушно принялъ меня и сообщилъ мнѣ подробности своихъ командировокъ. Послѣднія два лѣта онъѣздилъ въ западную Сибирь для зоологическихъ наблюдений и сбиранія коллекцій и занимался преимущественно рыбами, по не оставлялъ безъ вниманія и бытъ инородцевъ. Особенно тщательно изслѣдованы имъ Остяки, собрана замечательная этнографическая коллекція, наблюдения надъ чертами лица, складомъ тѣла, бытомъ, охотой и проч. привезены домашнія принадлежности, большой альбомъ портретовъ, черепа и каменные орудія. И. С. Поляковъ пока напечатаны въ Запискахъ Академіи Наукъ только письма и отчеты первой экспедиціи. Остяки представляютъ особый интересъ въ виду того, что у нихъ сохранился первобытный складъ жизни, пережитый Европою въ доисторическомъ времена: юдятъ хищныхъ звѣрей, внутренности, съ обрядами пьютъ ковшами кровь, украшаются клыками животныхъ, дѣлаютъ идолы, приносить жертвъ и проч. Общий характеръ быта остяковъ, ихъ типы, предметы быта представляютъ поразительное сходство съ предметами лапарей и во многомъ объясняютъ бытъ постѣднихъ. Ив. Сем., презентовавший мнѣ первый томъ своего труда и поручившій передать таковой же А. И. Богданову, выразилъ готовность, получивъ официальное приглашеніе и программу нашей выставки, принять въ ней посильное участіе своими коллекціями. Имъ также собраны фамильныя клейма остяковъ, подобныя лапландскимъ, собраннымъ мною, и финскимъ, которыхъ я надѣюсь достать изъ Гельсингфорса черезъ любезное посредство Ю. Брана. Г. Поляковъ сообщилъ мнѣ, что при его прежнихъ побѣздахъ изъ сѣверіи Россіи онъ видаль по берегамъ многихъ озеръ несомнѣнныя фабрики каменныхъ орудій и одна особенно замѣтна ему на Лачь - озерѣ, где страдала известный Даниилъ Заточникъ. Г. Поляковъ можетъ сообщить подробнѣе мѣстонахожденія.

Добившись затѣмъ осмотра закрытаго по случаю передѣлокъ для публики педагогическаго музея, я, послѣ небольшаго отдыха, направился къ В. Н. Майнову, волонтеру антропологии, командированному Географическимъ Обществомъ въ Мордовію по собственной инициативѣ. Я былъ подавленъ результатами его труда. Почти въ тотъ же промежутокъ времени имъ сдѣлано было измѣреній слинкомъ въ 15 разъ болѣе моего, т. е. мной 35, имъ 535. Притомъ въ это время имъ однихъ перѣѣзовъ сдѣлано 9,000 верстъ. Вѣсть съ прежними учеными командировками имъ сѣялано по Россіи 104,000 верстъ. Сколько значительную опытность и практику въ своемъ дѣлѣ приобрѣлъ Влад. Ник. говорить то, что въ 4½ часа работы онъ усѣялъ сдѣлать по 30 полныхъ антропологическихъ измѣреній, гораздо болѣе подробныхъ, нежели рекомендовано въ инструкціяхъ Брокса, принятыхъ наимѣнъ Комитетомъ. Г. Майновъ для своихъ работъ напечаталъ собственную таблицы. Онѣ будутъ мною разсмотрѣны въ особомъ рефератѣ моемъ нашему Обществу о системѣ наблюдений надъ живыми субъектами. Г. Майновъ привезъ сверхъ того также черепа, фотографіи, клейма и каменные орудія.

3 октября мнѣ удалось паконецъ свидѣться со Льномъ Константиновичемъ Ивановскимъ. Миѣ мало остается прибавить къ вполнѣ справедливой оцен-

къ этой личности, сдѣланной г. Предсѣдателемъ. Всѣ московскіе члены нашего Общества и Комитета имѣли удовольствіе видѣть г. Ивановскаго въ своемъ кругу въ годичное засѣданіе 15 октября. Л. К. принялъ меня въ Медико-Хирургической Академіи въ кабинетъ профессора Ланцерта. Послѣдній преподаетъ анатомію и въ Академіи художествъ и потому специально знакомъ съ величайшими формами организмовъ разныхъ народностей. Л. К. познакомилъ меня въ общихъ чертахъ съ главнымъ ходомъ своихъ работъ по раскопкамъ въ Петербургской губерніи и просилъ передать Комитету, что возложеніе на него порученіе по собранию сотрудниковъ нашему дѣлу въ Балтійской окраинѣ онъ надѣется выполнить успѣшио. Москва наша счастливѣе Петербурга въ дѣлѣ ученыхъ музеевъ, представляющихъ виолицѣ соотвѣтственные хранилища для собираемыхъ материаловъ. Въ Петербургѣ же

богатѣйшіе результаты раскопокъ г. Ивановскаго пока загромождаютъ его собственное помѣщеніе и тѣмъ причиняютъ стѣсненіе его домашнимъ. Я имѣлъ удовольствіе осмотрѣть часть собранныхъ находокъ.

Вечеръ того же дня былъ употребленъ мною на копировку въ кабинетъ Географическаго Общества карты г. Трофименко. Въ виду важности и оригинальности этого труда, представляющаго необходимую канву для нанесенія добытыхъ мною статистическихъ свѣдѣній о численности и распространеніи лопарей, съ карты Трофименко желательно было бы иметь фотографическую или иную копію для нашего Комитета. Секретарь общества В. И. Срезневскій засвидѣтельствовалъ миѣ живой интересъ, пробужденный въ Петербургѣ ученой дѣятельностью первопрестольной столицы.
